

Бѣгу со спражею рыдая по слѣдамъ,
Священна кровь его пушь указуетъ намъ:
Скалы багровѣють; на шерпахъ обагрённыхъ
Обрывки вѣюща волосъ окровавленныхъ.
Прибѣгъ, зову его; онъ руку протянулъ,
Открыль полмертвый взоръ и вновь его сомкнулъ. —
„Невинный, онъ сказалъ, схожу тѣней въ обительъ.
„Ахъ! будь Арісїи заступникъ и хранительъ.
„О другъ мой, если Царь всю истину прозришь
„И нѣкогда въ слезахъ о сынъ возскорбишь:
„Чтобъ тѣнь мою смиришь, спенящую, унылу,
„Скажи, да призришь онъ Арісїю мнѣ милу,
„Да возвратишь . . .“ Умолкъ твоей сынъ при сихъ словахъ.
Безвидный трупъ я зрѣлъ, просерпытый на пескахъ:
Страдалецъ юноша, судьбины жертва властной,
Кого бы не позналъ и самъ отецъ несчастной!

М. Лобановъ.

Э л е г и я.

Увы! зачѣмъ она блистаетъ
Минушной, нѣжной красой?
Она примѣнно увядаетъ
Во цвѣтѣхъ юности живой.
Увянешь! жизнью молодою
Не долго наслаждаешься ей;
Не долго радовашь собою
Счастливымъ кругъ семьи своей;
Бездечной, милой оспрошую

Бесѣды наши оживляшь
И шихой ясною душою
Спрадальца душу услаждашь.
Спѣшу въ волненьѣ думъ тяжелыхъ,
Сокрывъ уныніе мое,
Наслушаться рѣчей веселыхъ
И наглядѣться на нее.
Смотрю на всѣ ея движенья,
Внимаю каждый звукъ рѣчей,
И мигъ единый разлученья
Ужасенъ для души моей.

А. Пушкинъ.

А р а б ъ и Б ѣ л о й .

П р и т ѣ а .

Арабъ и Бѣлой при огнѣ

Вдвоемъ сидѣли :

Разсорились и зашумѣли.

„Ты смѣешь ли, уродъ, прошиворѣчьшь мнѣ?“

Вдругъ Бѣлой закричалъ : „не на смѣхъ ли природа

Арабовъ создала для человѣчья рода?“ —

„Хвасшунъ!“ сказалъ Арабъ въ отвѣтъ,

И пошчасъ черною рукою

Онъ пошущилъ огонь. „Теперь я схожъ съ шобою :

Во шмѣ различья нѣтъ.“

Гасише свѣтъшъ Наукъ, невѣжды, поскорѣ!

При свѣтъшъ — вы виднѣе.

Остолицовъ.